

СЕКЦИЯ III

**Собственно лингвистические и экстралингвистические подходы
к преподаванию русского языка как иностранного.
Национально-культурная специфика построения дискурса**

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЗЫ М. ВЕЛЛЕРА

Е. И. Абрамова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tahat34@mail.ru*

В статье определяются и описываются такие жанрово-стилевые доминанты прозы М. Веллера, как конвергенция жанров, диалогичность, интертекстуальность, аллюзивность, стилистический фьюжн.

Ключевые слова: жанр; стиль; жанрово-стилевая доминанта; диалогизм; интертекстуальность; стилистический фьюжн.

GENRE AND STYLE FEATURES OF M. WELLER'S PROSE

E. I. Abramova

*Belarusian State University,
4, Niezaliežnasci Avenue, 220030, Minsk, Belarus, tahat34@mail.ru*

The article defines and describes such genre-style dominants of M. Weller's prose as convergence of genres, dialogue, intertextuality, allusiveness, stylistic fusion.

Keywords: genre; style; genre-style dominant; dialogue; intertextuality; stylistic fusion.

М. Веллер – один из известнейших современных авторов-беллетристов. Проза Веллера отличается несомненной включенностью в контекст литературной традиции, богатством интертекстуальных связей, многоуровневостью аллюзий, что роднит ее с «высокой» литературой. Вместе с тем одно из слагаемых популярности М. Веллера – сознательный беллетризм: все его произведения отвечают запросам среднего потребителя, так называемого читателя «золотой середины».

М. Веллер создает свои книги, ориентируясь на актуальные социальные процессы. Все тексты писателя выражают его реакцию на этот несовершенный мир, демонстрируют авторскую позицию. Произведения позволяют стать той трибуной, с которой автор желает транслировать

свои взгляды, участвовать в дебатах, представлять свою гражданскую позицию. Писатель берет на себя функции культурного просветителя, учителя жизни, опытного наставника и друга. Эти роли не может взять на себя ни один персонаж произведения, поэтому гарантом достоверности становится мнение повествователя.

Повествователь – главная фигура в произведениях М. Веллера последнего десятилетия («*Все о жизни*», «*Человек в системе*», «*Гражданская история безумной войны*», «*Россия и рецепты*», «*Наш князь и хан*» и др.). Повествователь фиксирует ход времени, сообщает читателю о событиях и поступках персонажей, рисует облик действующих лиц и обстановку действия, анализирует мотивы поведения героя, его внутреннее состояние и т.д., не будучи при этом ни участником события, ни объектом изображения для кого-либо из персонажей. Специфика повествователя в веллеровских текстах, во-первых, во всеобъемлющем кругозоре, границы которого совпадают с границами изображенного мира, и, во-вторых, в адресованности его речи в первую очередь читателю, т. е. в ее направленности за пределы изображенного мира.

У Веллера повествователь всегда собеседник, а значит, в любом тексте присутствуют элементы такого речевого жанра, как беседа (в понимании М.Ю. Лотмана, жанр беседы предполагает установку и на объективность предлагаемой информации, и на диалог с читателем, и на совместное с ним размышление [1, с. 162]). Проблематика вышеназванных книг М. Веллера серьезная, общественно значимая и очень актуальная, это не развлекательное чтение. А подчеркнутая «устность» текста, «болтовня», упрощая повествовательный стиль, является определенной авторской стратегией, средством создания художественного целого, рассчитанного на массового читателя начала XXI века, которому требуется особая система средств по смысловой адаптации, «переводу» транслируемой информации с языка высокого искусства на уровень обыденного понимания. Писатель умышленно создает обманное впечатление незамысловатости речи: *«Простота изложения отнюдь не адекватна простоте содержания. Излагать просто труднее, чем сложно. Сначала трудно постичь. Потом трудно изложить. Потом трудно передать человеческим языком. Вот последней частью триады обычно пренебрегают, и более того – отвергают уничтожительно. Вот поэтому мы будем говорить просто. Нас интересует суть»* [2, с. 34].

Взаимопроникновение, конвергенция жанров, стремление к всеохватности и всеобъяснимости – черты, представленные в прозе М. Веллера. Так, например, жанр книги «*Наш князь и хан*» [3] сам автор определяет как историческую повесть-детектив, хотя в ней присутствуют элементы и других жанров: журналистского расследования, аналитиче-

ской статьи, эссе, очерка, новеллы, беседы, публичной речи. Историческая канва повести – Куликовская битва 1380 года, но это не художественное описание исторического события. Это попытка на основе имеющихся исторических данных реконструировать и проанализировать социально-политическую обстановку Московской Руси и ее соседей накануне и после Куликовской битвы, дать логическое объяснение намерениям и действиям главных персонажей, оспорить мнение официальной историографии о том, что результатом битвы стало рождение национального единства Руси. По мнению писателя, главным результатом Куликовской битвы было создание фундаментальной (и неизменяемой до сегодняшнего дня) матрицы русского абсолютизма: *Дмитрий Донской заложил основы Русского Государства как авторитарной машины для захвата, подчинения, держания в руке. Держания всех. В руке государевой. В единстве – сила! – был такой лозунг. Государь стал на Руси гарантом порядка и побед. Я вам покажу «оппозицию», сволочи...»* [3, с. 250], а также соответствующих поведенческих стереотипов: *И вбито в социотип народа: власть – она всегда верх возьмет. Или вылижешь – или погибнешь. Начальству – кланяйся, лести, подноси. Но чтоб подчиненные твои место свое знали! А иначе – сожрут тебя твои подчиненные, и ни хрена уважать не будут. Такая их порода. <> Диктатура – это мы. Ложь, цензура, казнокрадство – это мы. Подлость и угодливость – это мы. О нет – по отдельности мы все почти чудесные, достойные люди. А вместе – двуличная толпа: холоп к верхним – и барин к нижним. И Путин сегодня – лишь самая вершинка пирамиды, в которую складывается толпа. Состоящая из нас* [3, с. 261].

«Наш князь и хан» является сложным нарративным построением, имеет непростое как сюжетное, так и композиционное строение. Текст делится на пять глав, а главы – на, имеющие самостоятельные названия, маленькие главки, эпилог и приложение (включающее в себя «Сказание о Мамаевом побоище», «О приходе Тохтамыша-царя» и «Историю монголов, которых мы называем татарами» Джованни Дель Плано Карпини). Такое членение обусловлено намерением писателя отдельно представить читателю отрезки для того, чтобы, во-первых, облегчить восприятие текста, а во-вторых – чтобы представить ход своих рассуждений, то, как сам автор уясняет для себя характер временной, пространственной, логической, образной связи отрезков повествования, в-третьих, побудить читателя к совместному поиску ответов на поставленные вопросы, к совместному поиску истины. Так, первая глава «Русофобы из Сарая» состоит из 39 главок: «Школьная страница», «Зачем вам история, дятлы?», «Мамаево побоище: уроки истории», «Первое впечатление», «Второе впечатление», «Сомнения и странности», «Зло-

дей на фоне катастроф», «Кому заносить?», «Мамай-Москва – мир-дружба», «Великое розмирье», «Непобедимые и легендарные: прощупывание», «Мы – мирные люди», «Мильон терзаний в сумасшедшем доме», «Да кто такие татары?», «Так из кого они состояли?» и др. Некоторые главки занимают 1-2 страницы, другие равны предложению. Так, содержание главки «Первое впечатление»: «А все-таки мы достойнее и круче всех» [3, с. 13], главки «Второе впечатление»: «Генеалогическое древо исторических подвигов до ужаса напоминает развесистую клюкву» [3, с. 13]. Такой прием рождает у читателя иллюзию сиюминутности разговора, соучастия в нем, «устности» речи. Этот прием является ключевым компонентом идиостиля писателя.

Ориентация на устную форму общения создает «каркас» определенного (оригинального) и моментально определимого читателем авторского стиля. «Устность» подчеркивается шутливо-ироническими обращениями к читателю, а также императивами, свойственными для неприужденной экспрессивной разговорной речи: *Дурак ты, дяденька, и мысли твои дурацкие* [3, с. 32], *Не, ребята-демократы...* [3, с. 111], *Дорогие мои. Ну понять же надо...* [3, с. 110], *Привет, братан!* [3, с. 227], *Н-ну-с – подходите ближе, товарищи. Да-да – и дамы с господами. Перед нами 1991 год* [3, с. 259], *Погодьте, ребята, погодьте. Включаем мозги* [3, с. 119], *Бросьте, товарищи. Тохтамыш спас Дмитрия от его народа...* [3, с. 165], *Брали двое суток. Не берется. Людей теряем. Хорошие стены русские построили. Ну - как поступить дальше, товарищи имперские монголоиды?* [3, с. 197], *Джентльмены, международные вопросы требуют детального рассмотрения, особенно в условиях непрекращающихся конфликтов* [3, с. 75], *Больше честности, граждане. Заверались мы* [3, с. 155], *Плюнь и разотри!* [3, с. 71], *Вот для этого тебе нужна правда. А если ее нет? Пей и бейся в стенку головой!* [3, с. 221] и др.

«Устное слово» в повести находит выражение в обилии вопросительных предложений: *А вы на том поле были? Вы с теми людьми разговаривали – чувствуют они единство? Или, может, иное что? Отдохнуть, попить, раны перевязать, от горячки боя отойти, выпить – душу отвести, смотреть, чтоб трофеи не сперли? А вы можете сказать – это единство чем конкретно подтверждается? Воровать перестали? Воевать княжества меж собой перестали? Под руку Москвы стали проситься? Русь расти стала, все друг к другу потянулись?* [3, с. 130], *А несчастные либералы с демократами причитают: как же так? А где сменяемость власти? А почему выборы фальсифицируются? А почему его друзья стали миллионерами?* [3, с. 260], в т.ч. усеченных до вопросительного слова (вопросительного местоимения, наречия, междометия): *Слушайте – а почему?* [3, с. 129], *А Дмитрию дал ярлык на великое кни-*

жение!!! За что??? [3, с. 119], *А потом – а что потом?* [3, с. 222], *Что – сто лет?* [3, с. 44], *Зачем, почему, чего ради?* [3, с. 225], *Ну?* [3, с. 195], характерных для разговорной речи.

Книга Веллера насыщена внутренними диалогами, а масса вопросно-ответных конструкций настраивает на доверительный разговор, создает видимость «живого» общения, сопричастности мысли автора: *А у кого деньги брать? У кого есть. А у кого они есть, желанные да серебряные, пуще того золотые? Да прежде всего у торговцев, мастеров наживы, охотников за прибылью, хранителей кубышек* [3, с. 150], *Зачем меняют глав администраций? Прежде всего – чтоб перенаправить и увеличить денежные потоки точнее в свои карманы. Какая задача ставится новой администрации, этой свежей метле? Повысить собираемость налогов, «более лучше обеспечить наполняемость бюджета»* [3, с. 150], *А Мамай предъясляет мировой общественности нового хана – восьмилетнего Мухаммед-Булака, что значит нет легитимного правителя? А это вам кто? Да с вас по жизни бабло причитается, и чтоб на брюхе приползли!* [3, с. 20], *Что делает честный историк? Он валит факты, как самосвал кирпичи* [3, с. 27], *Где взяли, где взяли? – нашли* [3, с. 16] и др.

Имитация структуры диалога – это часто целый комплекс синтаксических средств: *В большом государстве социальный критерий близости доминирует над национальным. Если же произойдет иное – государство развалится на национальные улусы. Или все погибнет в кровавой анархии. ...Ну вот скажи – сегодня: с кем президент Путин считается больше, кто ему ближе – начальник Чечни Кадыров – или безвестный русский учитель либо санитарка? Кто ближе чиновнику-казнокраду: обжуженные им земляки-русские – или Америка, где у него коттедж, сбережения и семья, получившая американское гражданство? Так кто ближе князю? Смерды его, которых бабы новых нарождают? Или ордынская знать, где он принят как сильный среди сильных и высокий среди высоких?* [3, с. 212]. Повествователь приводит тезис, его комментарий, затем вопрос, над которым читателю предлагается поразмышлять совместно. Такая структура формирует у читателя ощущение личного общения, собственного участия в рассуждении, более того, у читателя создается впечатление, что он сам продумал и сформулировал вывод.

Полемический задор, напористость, эмоциональность речи повествователя передается восклицательными и побудительными предложениями: *Да, так это случилось в 1378, а в 1379 московиты опять отравились на войну. Литва у них зачесалась! С Литвой войны долго шли! Хотя подвергшееся очередному освобождению Брянское княжество то входило в Литву, то не входило* [3, с. 25], *О! Декабристы! Глоток сво-*

боды! Даеть конституцию, долой самодержавие! [2, с. 258], Да подите вы со своей Москвой!!! Денег и людей дайте – и чтоб я о ваших русских больше не слышал, пока не освобожусь от дел! [3, с. 58], Да шли бы эти русские на хрен вместе с обитателями прочих улусов! [3, с. 58] и др.

Парцелляция встречается в монологах-рассуждениях для имитации процесса возникновения мысли: *Так что профессия великого князя была очень прибыльной. Хотя и повышенного риска.хлопотной и опасной [3, с. 44], Если ложь заменить на правду – от этого всегда много меняется. Ты реально знаешь, что произошло. И ты понимаешь, как устроены люди. И народы. И страны. И история [3, с. 221] и др.* Категоричность высказывания, «рубленная» интонация передается размещением базовой части парцеллированной конструкции и парцеллята (парцеллятов) в разных абзацах: *Но. Если татары не тронули никого из князей.*

Если ни у кого из князей не было неприятностей с ордынскими карателями.

Если не сохранилось свидетельств, что кто-либо из князей от татарской конницы скрывался. То.

То. Остается лишь предположить, что князья были заодно с татарами и против своих восставших смердов. О чем мы выше говорили [3, с. 220] и др.

В некоторых случаях в тексте встречаются структуры, которые можно отнести к расщепленному синтаксису: *Понимаете, восемь лет спустя, уже умер Дмитрий Донской, а Владимир поссорился и помирился с его сыном, Великим князем Василием Дмитриевичем – вот только тогда тот пожаловал ему во владение Волок Ламский. Но не весь. Половину. ½ часть. Как-то опять отжали. Потому что другой половиной продолжали владеть новгородские тиуны. Все еще. Это произошло в 1390 году [3, с. 218], Но мы с презрением отвернемся от этой продажной девки всех режимов. И обратимся к историкам честным и непредвзятым. И что же мы имеем? Не понос – так золотуха [3, с. 27].* Таким образом воспроизводится ситуация и интонационный рисунок устной речи, с ее перерывами, паузами, внезапно пришедшими на ум мыслями.

Эффект спонтанности, ремарочного характера речи создают и вставные конструкции, которые прерывают основное предложение и занимают в нем положение неожиданно пришедшего в голову в процессе речи замечания: *Это была трагическая история (один князь Мстислав погиб, еще два князя Мстислава бежали), войско было разбито (да еще и меньшими монгольскими силами, насобачились воевать, гады), а потом победители пировали на досках, уложив их на пленников (загадку появления досок в степи ученые еще не решили) [3, с. 11], А начнем с*

*1395, когда разбитый Тамерланом Тохтамыш нашел убежище в Литве (заметьте: надежна была Литва) [3, с. 229], Мамай на момент сражения и близко не был ханом Золотой Орды. Бывал зятем хана – да, беклярбеком (типа премьер-министра или управляющего провинцией) – да, бывал узурпатором, регентом, авторитетным полевым командиром [3, с. 13]. Вставная же конструкция, выделенная восклицательным знаком, несет и основной эмоциональный посыл фразы: *И тогда – и тогда!* – *насилуемая с особенным цинизмом история в отчаянии расстается со своим смыслом [3, с. 27], Самое тяжкое – но и характерное!* – *что этой битвы, не исключено, и вовсе никогда не было [3, с. 232]* и др.*

Иллюзия непринужденного ироничного разговора возникает и благодаря подчеркнутой «нелитературности», обыденности, повседневности замечаний, вкрапляемых в зону речи повествователя: *Была на Волыни речушка Боберка и сельцо Бобрка – вот поэтому якобы прозвище владельца было Боброк. Нэ лызе!* [3, с. 105], *Но – що маемо, то маемо* [3, с. 83], *К бабке не ходи!* – *иначе и быть не могло* [3, с. 68], благодаря использованию междометий – указаний на кинетический жест: *Опаньки! Неслыханно! Князь сажает за решетку архимандрита* [3, с. 94], *Раз!* – *и он под Москвой* [3, с. 206], *Летописец-историк – это рыбак, который выуживает из прошлого во-от такую рыбку!* [3, с. 99] и др., на мимику повествователя (в этом случае автор использует звуко-символы, неcodированные словосочетания, сопровождающиеся соответствующим выражением лица): *Э? М-да...* [3, с. 185], *Ну-ну ...* [3, с. 258] и др. Этому же способствует специальное, осознанное употребление автором речевых ошибок, а также разговорной, просторечной, архаичной, диалектной и жаргонной лексики и фразеологии (как это бывает в общении хорошо понимающих друг друга собеседников): *Нам чо впаривают, грубо говоря* [3, с. 133], *Так а чо было-то?* [3, с. 134]; *Ихний-то князь...* [3, с. 121]; *Это не есть невозможно* [3, с. 79]; *Фиг бы Тохтамыш его добил, если бы мы его не замучили* [3, с. 120]; *<...> нечего дилетанту лезть в историю: пускай хавает что они ему написали* [3, с. 10]; *Пипла хавает. Но если подавится – сплюнет много* [3, с. 153], *Мамай их всех задоставал своей активностью* [3, с. 16]; *Освободилась Русь от гадского чужого владычества* [3, с. 7]; *<...> таким глупым педантизмом мы, конечно, не грузились* [3, с. 8]; *Дерьмо вопрос. Враг моего врага – мой друг* [3, с. 65]; *Государева пирамида вызолочена ворами за счет налогоплательщиков – это завсегда, не сумлевайтесь, обычай такой* [3, с. 234]; *А Мамай предъявляет мировой общественности нового хана – восьмилетнего Мухаммед-Булака, что значит нет легитимного правителя? А это вам кто? Да с вас по жизни бабло причитается, и чтоб на брюхе приползли!* [3, с. 20], *Короче, вло-*

мили и Дмитру [3, с. 22], Это так, что великий князь рулил от имени хана Орды [3, с. 43], Годы или, и Московская Русь также стала пробовать монголов на вшивость [3, с. 22], А мелькающих в Сарай-Берке ханов в гробу видали [3, с. 20] и др., смешение в пределах одного сложного синтаксического целого, разностилевой лексики и фразеологии: *И историки, надышавшись этой идеологизированной атмосферой, пишут историю. Глаза у них от искреннего патриотического угара встают поперек лба, и вот под таким углом зрения они и рассматривают историю. Мама не горюй [3, с. 27], Новая метла чисто метет, такое ее свойство. И там норовит мести, где больше вымести можно. Замена тысяцкого с его аппаратом на княжью администрацию с ее государственными людьми – это административно-хозяйственная реформа. А реформаторы-исполнители – искушения золотом не выдерживают, не бывает у них такого геройского качества. Государев администратор – жаден, ненасытен, ухватист: легок на хапок, он быстрее-быстрее богатство себе сколачивает. С административного ресурса богатеет [3, с. 149 – 150], А и великий князь не сам по себе. Пока удача ему в руки идет – он гордый и сильный, всех на колене вертит. А как экономический кризис и политическая нестабильность – вспоминает, что стоит над ним денно и нощно могучий американский Госдеп... что? О Господи! Совсем вы меня запутали с этой вашей патриотической историей. Я имел в виду – Золотая Орда и царь наш, ныне – великий хан Тохтамыш, ну, вы поняли [3, с. 163] и т.п.*

В процессе непосредственного непринужденного общения собеседникам бывает легче построить новое слово «к случаю», нежели воспроизвести уже существующую в кодифицированном языке лексическую единицу. «Антинорма» в тексте находит выражение в новообразованиях (лексических и фразеологических), которые возникают буквально «на глазах» читателя-собеседника: *Православная церковь превратится в орган государственного мозгоимения... [3, с. 134], Сей хан на Руси именовался царем еще со времен Ярослава, Александрневского папы [3, с. 43], А когда в истории до-ивана-грозненской Руси грозила всем общая опасность со стороны внешнего врага [3, с. 255], Нет хана – нет проблемы [3, с. 20], Церковь встала с колен на дыбы. На тебя, княже, митрополитов не напасешься! [3, с. 223], Князю – княжье, смерду – смердово [3, с. 110] и др.*

Х. Ортега-и-Гассет отмечал, что «массовый человек – это социально-психологический тип с ограниченной креативностью, предпочитающий воспринимать сложную действительность через призму клише и стереотипов, фантазий и иллюзий, помогающих ему обрести ясность и завершенность видения» [4, с. 24]. Именно эти клише современного

языка (поэтические, общественно-политические, экономические, юридические, криминальные, публицистические, «сколки» советского официального языка и т.п.) и использует М. Веллер, описывая и объясняя читателю реалии и события Московской Руси XIV века: *Ах, школьники беспечны, юная жажда жизни упоительно терзает их, хрен ли им ваши учебники* [3, с. 8]; *Вот так монголы стали мигрировать на ПМЖ в русские земли* [3, с. 39]; *Мамай на момент сражения и близко не был ханом Золотой Орды. Бывал зятем хана – да, беклярбеком (типа премьер-министра или управляющего провинцией) – да, бывал узурпатором, регентом, авторитетным полевым командиром* [3, с. 13]; *Кто тех арбалетчиков видел – неизвестно. Но – «есть такое мнение»* [3, с. 111]; *Или вы полагаете, что лечь под Москву – это типа независимый штат войдет в демократическое государство Соединенных Штатов Америки?* [3, с. 72]; *Ибо Тохтамыш, озабоченный неплатежами и сепаратизмом Русского улуса, лично возглавил карательный поход по восстановлению конституционного порядка во вверенном ему Аллахом государстве* [3, с. 136]; *Князь выдаст сестру только за равного себе <...> Чтобы – одно сословие, чтобы рядом с собой на пиру посадить; из своей корпоративной среды, короче* [3, с. 106]; *Церковь – это информационно-пропагандистская сеть, покрывающая всю страну и не имеющая конкурентов* [3, с. 172]; *Прибежал Ольгерд. Разорил подотчетную ему смоленскую землю, чтоб не лезли в чужие дела. Вник в ситуацию – и Михаилу не помог* [3, с. 185], *Покарать мятежников и одновременно пограбить и опустить конкурентов – святое же дело* [3, с. 215], *Тяжка была московская длань, коварен ум, жаден норов. Всех нагнули! И в такой вот позе объединили* [3, с. 47], *Великий князь Владимирский, он же Московский, заинтересован в чем? В расширении базы своего кормления... Он ставит под себя квартал, район, город, республику...тьфу! В смысле гангстер расширяет свою империю, в смысле князь княжество <...> То есть. Приходят серьезные пацаны и от имени «смотрящего» и всей братвы делают предложение, от которого нельзя отказаться: мы тебе пришли крышу ставить. Такой порядок. Платить будешь нам. А мы тебе даем свою поддержку. Гарантируем безопасность. В случае любого наезда – обращайся к нам: сотрем гадов в порошок, заставим заплатить за все. Теперь все так живут – по понятиям, понял? <...> И удельный князь переходит в вассалы Великого. А или вообще его выгонят к чертям свинячьим, а княжество так и всосут в Московское* [3, с. 45] и др. Такими нетривиальными приемами М. Веллер добивается эффекта максимального погружения читателя в текст и сближения читательского мнения со своим.

Стилистический динамизм, стремление к синтетическим решениям, выходящее за рамки литературно-языковых традиций, сочетание контрастных (книжных и разговорных, стилистически нейтральных и жаргонно-просторечных и т.п.) стилистических средств, т.е. своеобразный стилистический фьюжн – отчетливая, эффектная, оригинальная, запоминающаяся черта авторского идиостиля.

Произведения М. Веллера не вписываются в традиционные рамки, каноны, поэтому вызывают неоднозначные оценки критики. Но, как писал еще в начале 1990-х А. Генис, «применять к сегодняшней литературе старые традиционные критерии невозможно. Нельзя рассматривать современный литературный процесс как однолинейный, одноуровневый. Литературные стили и жанры явно не следуют друг за другом, а существуют одновременно. Нет и в помине былой иерархичности литературной системы. Все существует сразу и развивается в разных направлениях» [5, с. 43].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Веллер М.И. Человек в системе. М.: Издательство Астрель», 2010. 572 с.
2. Веллер М. Наш князь и хан : историческая повесть-детектив. М. : Издательство АСТ, 2015. – 288 с.
3. Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и расследования. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 336 с.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) . СПб. : Искусство-СПб., 1994. 558 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : Издательства АСТ, 2019. 256 с.